НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 32.019.51 DOI: 10.31249/rsoc/2026.02.08

ВАНТЕЕВСКИЙ М.М.* (АНТИ)УТОПИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ: ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ (ОБЗОР ДОКЛАДОВ КРУГЛОГО СТОЛА)

Аннотация. В статье представлен обзор круглого стола, проведенного в ИНИОН РАН и посвященного междисциплинарному изучению утопического и антиутопического мышления. В докладах участников (анти)утопия рассматривалась как пространство интерпретации социальных и культурных процессов, репрезентации коллективных ожиданий и страхов, а также как проявление идеологической борьбы, формируемое в литературе, цифровой среде, массовой культуре и общественном сознании. Обосновано использование междисциплинарного подхода, объединяющего философию, социологию, культурологию и политологию, для анализа социально-политического предназначения утопического и антиутопического типов мышления. Синтез этих научных дисциплин позволяет рассматривать утопию и антиутопию как интеллектуальные модели, в которых исследуются границы возможного, желаемого и допустимого в развитии общества.

Ключевые слова: антиутопия; утопия; литература; массовая культура; образ будущего; политическое воображаемое; политические мифы.

Для цитирования: Вантеевский М.М. (Анти)утопическое мышление в междисциплинарном контексте: традиции изучения и социально-политическое предназначение (обзор докладов круглого стола) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.

* Вантеевский Макар Михайлович – младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; mvanteevsky@yandex.ru

Сер. 11: Социология. – 2026. – № 2. – С. 98–112. – DOI: 10.31249/rsoc/2026.02.08

Статья поступила: 04.05.2026.
Принята к публикации: 28.05.2026.

VANTEEVSKY M.M.[**] Anti(utopian) thinking in an interdisciplinary context: traditions of study and socio-political purpose (review of a roundtable discussion)

Abstract. This article presents an overview of a roundtable discussion held at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) devoted to the interdisciplinary study of utopian and anti-utopian thinking. Participants' presentations explored (anti)utopia as a space for interpreting social and cultural processes, representing collective expectations and fears, and as a manifestation of ideological struggle shaped in literature, the digital environment, popular culture, and public consciousness. An interdisciplinary approach to the study of utopian and anti-utopian thinking is substantiated, bringing together philosophy, sociology, cultural studies, and political science to comprehensively analyze the sociopolitical purpose of (anti)utopian artifacts. The synthesis of these approaches allows us to consider utopia and anti-utopia as intellectual models that explore the boundaries of what is possible, desirable, and permissible in societal development.

Keywords: anti-utopia; utopia; literature; popular culture; image of the future; political imaginary; political myths.

For citation: Vanteevsky M.M. (Anti)utopian thinking in an interdisciplinary context: traditions of study and socio-political purpose (review of a roundtable discussion). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2026. – N 2. – P. 98–112. DOI: 10.31249/rsoc/2026.02.08

Received: 04.05.2026.
Accepted: 28.05.2026.

[**] Vanteevsky Makar Mikhailovich – Junior Researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; mvanteevsky@yandex.ru

Введение в проблему

Утопическое и антиутопическое мышление являются продуктами сложных социальных и культурных процессов. Оба явления – результат эволюции человеческого воображения. Если мы обратимся к истории развития политической мысли, то увидим, что исследования образов утопии и антиутопии как инструментов проектирования ценностных матриц связаны с традицией социального конструктивизма и осмыслением концепта «политического воображаемого» [Андерсон, 2001]. Более того, некоторые исследователи выделяют воображаемое как отдельное направление когнитивной деятельности человека, сильно отличающееся от представлений: если представление является репрезентацией действительности, то воображение связано с областью проектирования и конструированием альтернативных образов и символов [Ле Гофф, 2001, с. 5–6].

«Воображаемое» может служить не только инструментом конструирования социально-политической реальности, но и технологией проектирования образа будущего [Щербинин, Щербинина, 2020]. На ранних этапах развития человеческой цивилизации можно заметить примеры использования мифов и легенд как инструментов легитимации и делегитимации политической власти. Этот процесс обычно базируется на трех фундаментальных функциях: стратегическое планирование, артикуляция идей и интерпретация социально-политической реальности.

Технология манипулирования общественным сознанием включает постоянную взаимозависимость этих функций: артикуляция интересов и идей, а также мобилизация масс – основа социально-политических процессов, которая связана с макропрогнозированием потенциальных результатов и рисков. В рамках процесса моделирования альтернативных вселенных планирование может использоваться как опорная точка для навязывания бинарных оппозиций «свой / чужой». В результате появляются индивидуальные жизненные стратегии, которые в дальнейшем могут стать основой для конструирования коллективной идентичности [Щербинина, Аванесова, 2024].

Артефакты воображения тесно связаны с мифотворчеством и идеологией. Если мифы имеют четкую зависимость от фольклора, национальных героев [Шестов, 2003], то идеология является репрезентацией окружающей действительности. С помощью идеологических средств описания существующих предметов в несуще-

ствующих мирах у человека могут появиться результаты рецепции, которые изначально зародились в его сознании, но уже влияют на индивидуальные действия и жизненные стратегии, обоснованные внутренней логикой.

Любой продукт воображения относится по своей природе к коллективному проявлению имплицитных знаний человека. Для дальнейшего существования результат работы воображения должен быть передан, понят и проинтерпретирован другим индивидом. И для воплощения данного процесса должны быть установлены понятные каналы коммуникации, определен четкий набор знаков. Когда оба этих звена представлены у всех коммуникаторов, можно переходить к следующему этапу формирования воображаемого мира – интерпретации знака, а также встраивании его в собственную картину мира.

Семиотики настаивали на том, что в результате такого процесса появляются метавселенные, образы и символы, в которых хоть и имеется общая родовидовая связь, однако они представляют собой уже разные ценностные матрицы [Лотман, 2000, с. 155–163]. Неомарксисты увидели политические проявления капитализма в этом процессе трансформации культурных артефактов: в рамках передачи одного и того же образа возникает «усредненное знание» о какой-то теме или предмете, которое и является основой массовой культуры. Творческая сторона художественного процесса постепенно нивелируется, и акцент делается на потребностях «одномерного человека» [Маркузе, 1994]. Этим активно пользуются современные шоураннеры и маркетологи, применяя в дальнейшем эту коммуникационную особенность для монетизации своей действительности.

Сегодня мы вступаем в новую эпоху, которая влечет за собой массу социально-политических кризисов по всему миру. Становится понятно, что основные принципы массовой культуры имеют новые качества, которые характеризуются наиболее внимательным отношением к таргетированности (географической или культурной), а также к персонификации поступающего месседжа. Возникает ситуация, когда средство коммуникации и становится таким сообщением [Маклюэн, 2018].

Деструктивные последствия этих изменений – появление «информационных капсул», «эхо-камер» в интернет-пространстве, которые в результате преобразуются в систему «надзорного капитализма» [Зубофф, 2022]. Однако в идеологической сфере наблюдается возврат к старым технологиям конструирования идеологи-

ческой парадигмы, когда не было единого канона, а мир был «лоскутным одеялом» из разных мифов и религий. Сегодня мы наблюдаем синергию разных форм продвижения идей, которые не отрицают друг друга, а логично уживаются в едином политическом пространстве.

Сегодня, в условиях кризиса традиционных идеологий, миф активно применяется в политике [Барт, 1989, с. 72–130]. В то же время сохраняются классические технологии проектирования общественного мнения. Так, например, религия и церковь дают возможность рассматривать этот мир как замысел, а также сохраняют глубинные цели существования человечества, приучают к смирению и ограничивают гедонизм, пропагандируемый культурой позднего капитализма.

Тем не менее социально-политический процесс исследователи продолжают анализировать через призму идеологий, и влияние идей становится все более всеобъемлющим, наблюдается процесс экспансии идеологических понятий в других сферах (в праве, экономике или культуре). Такое развитие идет параллельно с уменьшением степени влияния идеологических манифестов на общественное сознание по сравнению с индустриальными идеологиями XX в. Современный этап развития человечества определяется тем, что «политическое воображение» смещается в сторону генерации сценариев-предостережений, которые имеют антиутопическую форму.

В условиях, когда понимание идеологии эпохи модерна перестает объяснять происходящие вокруг идейно-ценностные процессы, появляются новые площадки и инструменты идеологического творчества. Россия представляется именно таким государством, активно претендующим на мировое лидерство в будущем мировом порядке (наравне с США, Евросоюзом, Китаем и Индией) и имеющим богатый исторический опыт использования механизмов художественного воображения. Глубокая утопическая и антиутопическая традиции являются проявлением воображения, что делает их еще более актуальными для современных авторов, представляющих разные идеологические векторы.

Важность осмысления феноменов утопии и антиутопии также продиктована накопившимися национальными практиками в этой области. Отечественные писатели создали понятный литературный канон в начале XX в., который затем использовался авторами по всему миру. В дальнейшем российские исследователи не только вывели особенности антиутопического художественного

жанра, но и концептуализировали политико-технологический потенциал представленного явления [Чаликова, 1994]. Данные историко-биографические факты имеют не очень большое практическое влияние на современность, однако могут объяснить интерес к этому жанру со стороны современников.

Вышеизложенное дает возможность задуматься о необходимости более системного изучения проявлений утопического и антиутопического мышления в современном мире. Для политической науки эти явления связаны с процессами деидеологизации и реидеологизации, которые получили развитие в 1990-х годах и до сих пор не завершены. Имплицитное возвращение идеологии на неформальном уровне в современной России, в условиях отсутствия официально закрепленной идеологии, приводит к тому, что платформами для противоборства идей начинают выступать неполитические сферы – литература, кинематограф и видеоигры. Так, например, художественная литература в нашей стране сегодня является как «полем битвы» для идей разного политического спектра, так и средством репрезентации социальных альтернатив. При этом оба этих литературных процесса выражаются в антиутопической форме. То же касается кинематографа и видеоигр, которые часто становятся идеологическим продолжением текстового формата.

Междисциплинарная основа изучения артефактов массовой культуры и проявлений человеческого воображения изначально предполагает использование всего методологического потенциала социально-гуманитарных наук. Участники научного круглого стола в ИНИОН РАН, прошедшего 13 февраля 2026 г., стремились зафиксировать основные тенденции и современные практики изучения утопического и антиутопического мышления. Изначально основными задачами этого мероприятия были: рассмотреть утопию и антиутопию как инструменты формирования идейно-ценностных основ общества; определить роль утопического воображения как ресурса теоретизирования в социальных и гуманитарных науках; проанализировать новые антиутопические формы (дистопия, ретротопия, гетеротопия, практопия и др.). Данные направления для обсуждения определялись как приоритетные для потенциальных докладчиков.

Основными тематическими направлениями круглого стола стали четыре социально-гуманитарные дисциплины – философия, социология, культурология и политология. Такая конфигурация научных подходов не только представляется интересной, но и мо-

жет послужить перспективной междисциплинарной основой для изучения проявлений воображения.

Философия позволяет рассмотреть утопию в контексте онтологического поиска истины, политического идеала, а антиутопию – не только как инструмент осмысления современности, но и как построение справедливого и счастливого общества вообще. Без такого взгляда на этот предмет исследования утопии и антиутопии превращаются в формальный набор идей и образов, который не затрагивает нормативную и ценностную плоскость. Вне философской парадигмы ускользает глубинная задача произведения, которую ставил перед ним автор.

Социологический подход дает возможность увидеть, как утопическое и антиутопическое становятся «зеркалом эпохи»: важен не только исторический контекст, но и социальная составляющая любого процесса. Данная теоретико-методологическая рамка позволяет ответить на вопрос, какие социальные группы являются носителями и распространителями утопий. В результате воображение становится репрезентацией популярных тем в обществе, и появляется возможность осмысления наиболее важных тенденций не только в перспективе исторических исследований, но и посредством методов социальных наук.

Культурологический анализ (анти)утопии позволяет понять роль произведения в культурном пространстве. Утопические артефакты рассматриваются как продукты культурных процессов конкретной эпохи и общества. Так, например, появляется возможность анализа утопического мира как «земного рая», т.е. возможность построения идеальной коллективной мечты в рамках отдельно взятого региона, острова или континента. Этот концепт активно осмыслялся на протяжении всей истории человечества и стал основой для утопий XX в., направленных на реконструкцию уже имеющегося материала, а не на создание новой вселенной. Также в ходе культурологического анализа появляется возможность выявить различные проявления культурной памяти. В результате такие наиболее дискуссионные проблемы, как «война», «диктатура» или «научно-технический прогресс», становятся основой для формирования культурных травм [Александер, 2012]. В дальнейшем знаковые системы могут становиться механизмами меметизации общества – инструментом стигматизации или идеализации культурных явлений в форме «мемов» [Кузнецов, 2022].

Аналитическая оптика представителя политической науки работает на стыке эмпирического и нормативного. Такой подход

сконцентрирован на выявлении: 1) репрезентации современности и политической реальности; 2) политического идеала. Их синтез позволяет понимать текущие процессы и оценивать их с точки зрения ценностей. В результате анализа появляется четкое понимание того, как утопия и антиутопия могут влиять на политический процесс посредством продвижения абсентеизма, продвижения демократических форм управления, которые приводят к редукции политических ценностей во имя порядка или безопасности.

Традиция обсуждения идеала, или утопии, присутствует в политической философии еще с античных времен: «Диалоги» Платона были ориентированы на формирование идеального будущего с монархом-философом во главе, а произведения Аристотеля нацелены на критику идеализма Платона, и политические взгляды отталкиваются от имеющегося политического контекста того времени. Так, например, вместо абстрактных теорий Платона, Аристотель сосредоточился на анализе реальных политических структур и их функционирования и для своего основного политического произведения – «Политики» (ок. 329 до н.э.) – провел обширное эмпирическое исследование, изучив конституции 158 греческих полисов [Беляева, 2013].

До сих пор политологи в рамках этих методологических парадигм всегда смотрят, насколько возможно реализовать устремления идеалистического плана и то, как политик вынужден принимать решения в условиях отсутствия полноты информации. Для анализа утопии и антиутопии данные особенности исследовательского взгляда важны, так как при комплексном рассмотрении феномена необходимо учитывать не только само художественное произведение (текст), стилистические, семантические и синтактические приемы, но и социально-политический контекст, а также фигуру писателя как ключевого генератора идей и смыслов любого творческого произведения.

Таким образом, именно комбинация представленных научных подходов с позиции разных дисциплин позволяет комплексно оценивать утопическое и антиутопическое мышление как социально-политическое явление: философия предлагает общую нормативную цель; социология дает репрезентацию общественных процессов; культурология фокусирует проявления культурной памяти; политология дает объяснение институциональных и властных последствий. В результате продукты «воображения» становятся интеллектуальными лабораториями, в которых появляется

возможность проверить границы вероятного, допустимого и желаемого.

Обсуждение результатов круглого стола

Круглый стол «(Анти)утопическое мышление в междисциплинарном контексте: традиции изучения и социально-политическое предназначение» состоялся 13 февраля 2026 г. в ИНИОН РАН. Со вступительным словом к докладчикам и слушателям выступили организаторы мероприятия. В ходе приветственной речи младший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований ИНИОН РАН М.М. Вантеевский и канд. социол. наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН А.Ю. Долгов представили основную идею круглого стола и предложили в ходе мероприятия сделать акцент на фиксации традиций и методов рассмотрения анти- и утопических явлений с позиции разных дисциплин социально-гуманитарного знания.

Доклад М.М. Вантеевского (ИНИОН РАН, г. Москва) «Исследования (анти)утопии как пространство для междисциплинарного диалога российских ученых» был посвящен потенциалу (анти)утопии как площадки диалога между литературоведами, философами, социологами, политологами и культурологами. В ходе выступления автор показал, как образы будущего отражают коллективные страхи, надежды и социальные трансформации в российском контексте. Кроме того, с помощью использования морфологического анализа М. Фридена на примере формирования политической идеологии было продемонстрировано, как современные антиутопические произведения становятся пространством противоборства идей разного политического спектра и средством репрезентации социальных альтернатив в России. Отдельное внимание было уделено преимуществу междисциплинарного подхода при интерпретации классических и современных (анти)утопических произведений. В итоге докладчик подчеркнул, что (анти)утопия – это не только возможность прогнозирования образов будущего, но и инструмент анализа настоящего и прошлого.

Канд. культурологии А.В. Демкина (РГГУ, г. Москва) в своем докладе «(Анти)утопические модели в российских сборниках фантастики конца 2010-х – начале 2020-х годов» на примере конкретных культурных артефактов предложила рассмотреть, как воображение представителей культурных индустрий реагирует на

современные вызовы осмысления образов будущего. В рамках доклада были рассмотрены несколько сборников современной научной фантастики конца 2010-х – начала 2020-х годов: два выпуска рассказов «Будущее время» (2019, 2020), а также антологии «Новое будущее» (2022) и «Мир без Стругацких» (2024). Несмотря на широкий спектр социальных, технологических и мировоззренческих сценариев, представленных в современной русскоязычной фантастике, образы будущего нередко конструируются по формульным и уже каноническим моделям. Воображение «лучшего» или «худшего» будущего в этих текстах часто выглядит вторичным по отношению к научно-технологическим прогнозам, социальной аналитике и предшествующей литературной традиции. На анализируемых примерах было показано, какие элементы этих художественных миров действительно предлагают новые смысловые решения, а какие воспроизводят привычные читательские образы будущего.

Альтернативный взгляд на современные социальные процессы был представлен в рамках доклада В.С. Бабурченкова (СмолГУ, г. Смоленск) «Антиутопия в цифровой среде: социально-экономические модели пугающего будущего в пользовательских рецензиях». Его выступление было посвящено анализу моделей «страшного будущего», вызывающих устойчивый интерес читателей в цифровых средах (например, на сайте книжного магазина «Читай-город»). На материале читательских рейтингов и рецензий антиутопий было показано, как сочетание пользовательских оценок и тональности откликов позволяет выявить долговременный консенсус и отличить его от ситуативных всплесков внимания. В.С. Бабурченковым были представлены пять типов антиутопических обществ: экономико-классовое, гендерно-репродуктивное, биополитическое, когнитивно-технологическое и милитаристско-репрессивное. Также автор доклада представил результаты сравнительного анализа фильмов-антиутопий на «Кинопоиске», где зрительские оценки и рецензии рассматривались как индикаторы массового интереса и дискуссионности различных сценариев будущего. Сопоставление кино- и книжного корпусов позволило интерпретировать различия между чтением и просмотром как разными режимами культурного потребления и как скрытым отражением структуры современных коллективных тревог.

Политические аспекты «образа будущего» в среде современной молодежи были затронуты в докладе канд. полит. наук Ю.В. Петровой (ИНИОН РАН, г. Москва) «Источники представ-

лений российской молодежи о будущем: значение утопий и антиутопий». В ходе выступления были представлены результаты всероссийского онлайн-опроса молодежи 14–35 лет (N = 1511, октябрь – ноябрь 2025 г.), направленного на изучение механизмов формирования образа будущего. На основе теоретического анализа и эмпирических данных систематизированы источники представлений о будущем с учетом их субъективной значимости для молодых людей, а также выявлена связь между предпочитаемыми формами социального участия (офлайн, онлайн, гибридное) и восприятием будущего России, включая личные миграционные намерения. Результаты продемонстрировали ограниченную роль массовой культуры в конструировании образа будущего. При этом, по словам докладчицы, утопии и антиутопии выступают скорее инструментом формирования ценностных ориентиров и интересов к ключевым сферам общественной жизни, чем источником конкретных образов желаемого будущего.

Вопросам возможностей и ограничений художественных произведений в процессах конструирования идеологических концептов был посвящен доклад И.С. Солдатенко (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва) «Советское прошлое в массовой культуре: между ностальгией по прошлому и мечтами о будущем». В выступлении рассматривался советский политический проект, который оставил значимый след в культурном коде современной России. Влияние советской эпохи прослеживается не только в формировании образа «золотой эпохи» прошлого, но и в представлениях о возможном будущем, основанном на идеях разума и социальной справедливости. Использование советских образов в массовой культуре – от *Sovietwave* и проекта «СССР-2061» до игровых практик – порождает феномен «фантомной ностальгии» и одновременно наследует традиции советской научной фантастики, ориентированной на проектирование образов будущего. Эти культурные проекты во многом предлагают альтернативные сценарии развития, отличные от доминирующих глобальных нарративов. Примечательно, что обращение к советским маркерам нередко сопровождается сознательным уходом от прямых политических интенций в сюжетах массовой культуры.

Особенности философского осмысления темы будущего были представлены в докладе канд. филос. наук Л.В. Плюснина (ТГУ, г. Томск) «Мышление о будущем как элемент современной фундаментальности образования». Его доклад был посвящен актуальной дискуссии о содержании фундаментальности образования

и том выборе, который сегодня стоит перед архитекторами образовательных программ. В рамках своего выступления Л.В. Плюснин рассмотрел, какие элементы определяли фундаментальность в предыдущих образовательных концепциях и какие основания формируют новый понятийный каркас. Особое внимание было уделено месту мышления о будущем, в определенном смысле утопического. Показано, почему подобный тип мышления не мог быть интегрирован в образовательные модели прошлого, но становится принципиально значимым сегодня.

Доклад канд. социол. наук А.Ю. Долгова (ИНИОН РАН, г. Москва) «Утопические идеи в интеллектуальном наследии Питирима Сорокина: от бихевиоризма к теории альтруизма» был посвящен фундаментальному анализу эволюции утопических идей в интеллектуальном наследии Питирима Сорокина – от раннего интереса к бихевиористским моделям объяснения социального поведения к теории созидательного альтруизма. Было показано, как менялось понимание социального идеала у Сорокина: от акцента на внешних механизмах регуляции к внутренним моральным и ценностным основаниям общественного порядка. Особое внимание было уделено потенциалу теории альтруизма как проекту преодоления социальных кризисов и насилия. В итоге автор предложил рассматривать Сорокина не только как теоретика социальных изменений, но и как мыслителя, предлагавшего нормативное видение возможного будущего общества.

В заключение А.Ю. Долгов рассказал об эволюции исследований утопического и антиутопического мышления, а также подвел итоги круглого стола и обозначил направления потенциального сотрудничества. После все участники мероприятия перешли к плодотворной научной дискуссии, в рамках которой еще раз были определены методологические и дисциплинарные рамки исследований утопических и антиутопических феноменов, выявлены общие проблемные поля и перспективные исследовательские гипотезы, а также синтезированы идеи из всех докладов для дальнейших исследований.

Заключение

В ходе круглого стола «(Анти)утопическое мышление в междисциплинарном контексте: традиции изучения и социально-политическое предназначение» в ИНИОН РАН были рассмотрены различные аспекты формирования представлений о будущем – от

эмпирических данных о молодежи до философских и культурологических интерпретаций утопий и антиутопий. Результаты докладов показали, что массовая культура и исторические образы, включая советское наследие, влияют скорее на ценностные ориентиры, чем на конкретные модели будущего. Особое внимание было уделено роли утопического мышления в образовании и научных теориях, где оно приобретает все большую значимость как инструмент осмысления социальных изменений.

В целом обсуждение позволило выявить ключевые направления и перспективы дальнейших исследований в области (анти)утопического мышления, а также сформулировать ряд обобщений и выводов. Антиутопия – это не просто противоположность утопии, а проявление «политического воображаемого». Возможность моделировать сценарии в будущем позволяет проводить сравнения и выявлять репрезентативные примеры. Эти образы будущего могут объяснять не только долгосрочные процессы, но и современные тенденции.

Происходящие в сегодняшнем мире конфликты обусловлены противостоянием между культурой как товаром и искусством как средством познания мира. В итоге мы можем наблюдать в XXI в. девальвацию культуры и популяризацию только тех произведений, которые имеют коммерческий отклик. В данном контексте антиутопия оказывается наиболее гибким жанром, который вмещает в себя художественный вымысел, реальность и научный взгляд на мир.

Появление в последнее десятилетие существенного массива антиутопических произведений, которые с трудом можно объединить в общую группу, говорит об отсутствии в нашем обществе единой утопической доминанты. Утопия, как и научная фантастика, развивается параллельно с научно-техническим прогрессом, однако отсутствие позитивного политического идеала говорит о переходном этапе, который может сопровождаться геополитическими потрясениями, об осмыслении сложного пройденного этапа развития, а также о деградации общества. Таким образом, изучение идеологических оснований современной массовой культуры должно опираться не только на анализ художественных произведений и содержащихся в них образов, но и на изучение биографических и профессиональных аспектов деятельности представителей культурных индустрий, которые, являясь участниками общественных процессов, способны интерпретировать и репрезентировать трансформации, происходящие в обществе.

Список литературы

Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с.

Барт Р. Избранные работы: семиотика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.

Беляева О.М. Полития как наилучшая форма правления, по Аристотелю // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 1, т. 19. – С. 15–20.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. – 784 с.

Кузнецов И.С. Мемы. Научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. – Москва: Бомбора, 2022. – 208 с.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – Москва: Прогресс, 2001. – 440 с.

Лотман Ю.М. Три функции текста // Лотман Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки (1968–1992). – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. – С. 155–163.

Маркузе Г. Одномерный человек. – Москва: REFL-Book, 1994. – 368 с.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – Москва: Кучково поле, 2018. – 464 с.

Чаликова В.А. Утопия и свобода. – Москва: Весть-ВИМО, 1994. – 184 с.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде / под ред. проф. А.И. Демидова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 421 с.

Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Политический мир воображаемого: конструирование образа нации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 4. – С. 522–530.

Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 56. – С. 285–299.

References

Alexander D. Cultural trauma and collective identity. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2012. – N 3. – P. 5–40. (In Russian)

Anderson B. *Imagined communities*. – Moscow: Canon-Press-C, Kuchkovo Pole, 2001. – 286 p. (In Russian)

Barth R. *Selected works: semiotics*. – Moscow: Progress, 1989. – 616 p. (In Russian)

Belyaeva O.M. Politics as the best form of government, according to Aristotle. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences]. – 2013. – N. 1, Vol. 19. – P. 15–20. (In Russian)

Chalikova V.A. *Utopia and freedom*. – Moscow: Vest-VIMO, 1994. – 184 p. (In Russian)

Kuznetsov I.S. *Memes: a scientific look at the pop culture phenomenon that has taken over the world*. – Moscow: Bombora, 2022. – 208 p. (In Russian)

Le Goff J. *The Medieval world of the imaginary*. – Moscow: Progress, 2001. – 440 p. (In Russian)

Lotman Yu.M. Three functions of text. *Semiosphere: culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles, research, notes (1968–1992)*. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. – P. 155–163. (In Russian)

McLuhan M. *Understanding media: the external extensions of man*. – Moscow: Kuchkovo pole, 2018. – 464 p. (In Russian)

Marcuse G. *One-dimensional man*. – Moscow: REFL-Book, 1994. – 368 p. (In Russian)

Shcherbinina N.G., Avanesova E.G. The political world of the imaginary: constructing the image of the nation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i e konomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo state university. Series: political, sociological, and economic sciences]. – 2024. – Vol. 9, N 4. – P. 522–530. (In Russian)

Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Political construction of the image of the future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiy*a [Bulletin of Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Political science]. – 2020. – N 56. – P. 285–299. (In Russian)

Shestov N.I. *Political myth now and before*. Ed. by prof. A.I. Demidov. – Saratov: Saratov university publishing house, 2003. – 421 p. (In Russian)

Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the battle for the human future on the new frontiers of power*. – Moscow: Gaidar institute publishing house, 2022. – 784 p. (In Russian)